

Б. Ф. Егоров

О ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ЗАМЫСЛАХ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Наверное замысел не совсем точно соответствует теме моего выступления. Дело в том, что помимо идейных террористов (которые могут быть в какой-то степени оправданы из-за высокой идейности, но, конечно, с высоких нравственных ступеней все равно это должно осуждаться), есть еще группа, которая примазывается к любому идейному движению, это люди которые жаждут крови, жаждут каких-то жестоких акций, и они уже совершенно, конечно, безнравственны; это люди, которым слон наступил на совесть, на душу. Что любопытно, я знаю конкретные случаи из биографии моих родителей, и знаю о том сколько всякой такой сволочи примазалось к революционному движению во время гражданской войны и первых лет после нее (участие в милиции, в НКВД и в прочих таких организациях). Так вот, что мне бросилось в глаза, когда я стал заниматься петрашевцами: оказывается, в те годы, особенно на волне европейских революций 1848 года и очень напряженной обстановки в России, стали появляться люди готовые заниматься этими безнравственными делами. Оказались такие и в кругу петрашевцев, оказались еще совсем юные гимназисты, будущие участники движения перед крестьянской реформой 1861 года. И, мне кажется, психологически чрезвычайно интересно рассматривать этот тип, потому что у нас стыдливо замалчивали, что были такие люди. Вообще у нас долгие годы замалчивали то, что человек может быть с генетическими преступными наклонностями, потому что считалось, что общество всех перевоспитывает. Мне же кажется, что, наверное, генетически есть две противоположные группы: одна благородная, честная, совестливая, вторая группа безнравственная, бессовестная, а между ними громадная толпа, которая в зависимости от ситуации может пойти налево или направо, и те, о ком я буду говорить, они относятся к этой безнравственной группе, они были готовы ко всему. Насколько мне известно, среди достаточно чистых народников такой шпаны не было, там были мерзавцы типа Азефа, но это все-таки несколько другая категория, а вот такая шпана готовилась уже для XX века. В кругу петрашевцев это, в основном, два человека, Толстов, который явно не имел никакого отношения к графам Толстым, особенно много давший материала для агентов, потому что Липранди, как известно, подбросил несколько агентов в круг петрашевцев: главный агент – Антонели, недоучившийся студент, и еще два: Шапошников и Наумов, которые в основном ощупывали околотрашевские круги и описывали свои впечатления. Как раз Толстов был одним из главных объектов доносов Шапошникова и Наумова к Липранди:

«Толстов и неизвестное мне лицо, фамилия которого от меня скрыта, и каждый из них привозил по выписке из какой-то книги на французском языке, и неизвестный человек говорил им, кому из министров какой конец, и что у них решено царя и прочих из царской фамилии убить, и как, когда и где, но отложено, так как одного студента из их общества взяли за сочинение стихов и сослали на Кавказ. В ту самую ночь, когда взят студент, давали друг другу сведения, чтобы быть осторожными и готовыми и отнюдь не забывать своего дела; с того дня ведут дела весьма скрытно: Толстов, Ханыков и неизвестная особа в лавке не бывали (речь идет о табачной лавке, где была главная слежка. – *Б. Е.*), но я им носил от Петра Григорьева письмо к Толстову и от него обратно; и что и теперь идет совещание, но где не сказал, а уговаривал Николая Наумова поступить в общество, и он Василий Васильев по совету их готов убить с удовольствием».

Это очень характерная фраза: «готов убить с удовольствием». Это я цитировал агента Шапошникова, а теперь агент Наумов:

«Когда я познакомился хорошо с Толстовым, он зазывал меня к себе, охуждая мне действия правительства, и сказал, что при таком правлении государя народ всегда будет более отягчен и угнетен. «вы сами видите, – говорит мне Толстов, – что он окружен людьми из негодяев, что стоит государству содержать их. Россия всем изобильна: в Сибири золота, серебра, других металлов большое изобилие, а где оно у нас? Одни бумаги, которые глупые считают за деньги, а умные – никогда, кто имеет капитал у нас в банк денег не кладет, а отправляет за границу, промышленность остановилась, коммерция в самом стесненном положении, у нас в университете на каждого студента положено 12 копеек серебром в сутки, а собаке приказано отпускать 90 копеек серебром».

Вот в таком духе Толстов ведет пропаганду среди агентов, конечно, наивно абсолютно не понимая, что это люди, которые тут же все это сообщают Липранди.

Главным виновником Толстов считал царя, и это, надо сказать, не были пустые слова, брошенные на ветер, Толстов, даже когда сидел на следствии в Петропавловке, сообщал:

«И если не составил положительно обдуманного в голове плана, как известить царскую фамилию, то не потому, что имел сожаление к ней, а потому, что считал это дело бесполезным до тех пор, пока не будет приготовлен к этому народ, пока народ не убедится в том, что нет необходимости в царе, и что все равно выберут другого, пожалуй, а если может быть, и не

совершил бы сам своеручно смертоубийство, то только потому, что в сердце моем еще оставалось несколько капель чистой крови и подобное злодеяние казалось мне слишком кровавым. А если бы нашел человека готового на это, если бы знал, что я тут не могу попасться, то я не преминул бы его настроить».

Надо сказать, что здесь он немного выкручивался, из донесений агентов видно было, что Толстов совершенно уже был готов на террористические акты, поэтому он здесь впоследствии несколько замазывал, очень интересно, что, предвещая всякие угрозы и обещания злодейств со стороны Сергея Нечаева, эта публика уже тоже очень готовилась угрожать и, в случае чего, убивать своих собственных соратников. Когда Наумов стал отрицать доносительство, то Толстов ему сказал следующее (это тоже из доноса): «Через три дня мы непременно узнаем виновного и уьем его, несмотря хотя бы был отец или мать, подобно как мы с год тому назад сделали с одним рассказчиком, которому отрезали язык и отрубили руки» – явная чепуха, никаких подобных фактов не известно. И далее: «И не только узнаем, но у нас такая связь, что если бы я завтра сказал Дубельту что-то про наших, то они в тот же час узнают, и я исчезну, потому-то я, несмотря на казнь, какой бы она ни была, никогда не скажу правды и своих не выдам. Лучше погибнуть одному-двум нежели продать целое общество». Это уже явно нечаевский комплекс, предвестие более поздних времен.

Друг-приятель и собутыльник Толстова Катенев, который особенно интересен с точки зрения мотивации его готовности совершать террористические акты. Катенев, глядя в окно на толпу народа, вспомнил, как он, будучи 13 лет, видел раз такую точно толпу на Елагином острове во время гуляния: «видел раз такую точно толпу на Елагином острове во время гуляния и кричали «Ура!» когда проезжал государь, и что он [Катенев] тогда уже получил ненависть к царю и поклялся в душе отомстить ему за это и довести до того, чтобы и ему [Катеневу] так же кричали «Ура!». Это изумительный ход уже не в террористический круг, а в то, что я называю мещанским комплексом зависти-ревности, то, по поводу чего гениально сказал наш драматург Евгений Шварц, когда он был в гостях у Бориса Михайловича Эйхенбаума, у которого громадный котик, который любит сидеть при хозяине, когда он работает, и ужасно ревнует и не любит, когда у хозяина гости. И вот пришел Шварц, и кот сидит и мяучит, и скребет стол, тогда Эйхенбаум берет его за шкуру и выносит за дверь, кот продолжает и за дверью так же бушевать, и Эйхенбаум, как бы стесняясь, говорит: «Вот, Евгений Львович, вы кажется специалист по психологии животных, вот определите, почему он так бушует». Шварц подумал и сказал: «Вы знаете, он наверное думает, что мы тут без него мышей едим». Так вот, мне кажется, что это изумительная характеристика мещанского комплекса – там за дверью едят мышей, а меня не пускают. Это проходит через героев Достоевского, это идет в XX век и это, кстати, одна, наверное, из сильных стимулирующих подкладок такого характера: «Ах, царю кричат «Ура!», мне будут кричать «Ура!». Это страшная зависть-ревность, которая приводит к соответствующим желанием.

Из донесения Наумова:

«Я спросил Катенева, отчего он так грустен. «Жажду крови, – отвечал Катенев, – жажду до такой степени, что готов зайти в цирюльню, чтобы увидеть там чашки две крови». В подобном расположении он вызывался даже убить императора и изъявлял этот вызов в магазине Петра Григорьева при нем и при Толстове, которые этому смеялись. «Я думаю, что во всю мою жизнь не сделал ничего доброго, но стремился к злодеяниям. отец, мать и все семейство меня отвергает, и я чувствую приближение смерти, которая не иначе должна последовать, как от виселицы или топора».

Конечно, тут очень много от юного, как мы сейчас говорим, выпендрежа, изображения себя интересным, но сам факт этих рассуждений о крови, о том, что я убью, меня убьют, согласитесь, что это тоже определенная подкладка для каких-то акций.

Следующие доносы очень любопытны в связи с тем, что готовилась лотерея на каком-то грандиозном пасхальном бале в Петербурге, и там предположительно должен был быть сам царь. И петрашевцы, главным образом, эти околотрашевцы Катенев и Толстов, готовили несколько сотен якобы карточек для розыгрыша лотерей, а на самом деле это не карточки, а листовочки, которые сообщили бы о том, что начались восстания в России, уже в Москве идет, и Петербург оно охватит, и будем сейчас убивать царя. Это, правда, не состоялось, не знаю, по каким причинам, это тоже были больше слова чем дела, но готовились к закалыванию кинжалом царя на этом самом бале в Петербурге. «Государь будет заколот кинжалом» – заканчивается этот донос.

События показывают, что были люди из периферии, правда, это не главные петрашевцы идеологи, люди большой культуры, а это их окружение, но тоже, кстати, совсем не такие уж далекие от цивилизации, это студенты, это люди вполне грамотные, и они могли конечно и агитировать вокруг себя, а главное, они показывали свои очень интересные психологические черты. А из совсем уже младшего поколения могу назвать уникальный случай, хотя он может быть уникальный потому, что мы их не так много знаем. Речь идет о некоем Михаиле Федоровиче Жохове, который был в 1849 году гимназистом Первой московской гимназии. Он написал

стихотворение «Воззвание к любителям вольности и равенства», совершенно антицарское, антиромановское. Он там не называет императора иначе, как Романов: «Романов – подлая бессмысленная тварь...». И дальше, через несколько строчек:

*Он упадет под нашими ножами,
Ему дадим мы знать себя –
Растопчем мы его ногами,
Свободу, равенство любя.*

Правда, любопытный контраст: «свободу, равенство любя» и «растопчем мы его ногами»? Между прочим, почему мы знаем о его стихотворении: кто-то его стащил у Жохова и переслал в Петербург. О стихах доложили Николаю I. Император проявил благородство (мальчонка, 13 лет) и приказал его высечь. Это была единственная кара. А потом Жохов был одним из активных деятелей предреформенной поры, журналист, публицист, как, кстати, и его брат, который более известен, потому что была жуткая дуэль с Утиным, тоже известным уже потом народовольцем. Михаил Жохов умер довольно рано, вскоре после 1861-го года.

Эти примеры, которые я привел, показывают, что были люди, которые уже созрели, они готовы были принять участие в любых акциях, вплоть до самых наитеррористических, но хотя судьба им не дала быть участниками этих акций, знать о них мы должны.